

РОМАНТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

ЕЛЕНА
ГАЙВОРОНСКАЯ
тет-а-тет

Елена Михайловна Гайворонская
Евгения

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181889
Тем-а-мем: Центрполиграф; Москва; 2006
ISBN 5-9524-2554-2

Содержание

Елена Гайворонская	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

– Парень должен шалить. – защитил сына Максим.

– Квартиру сегодня поедешь посмотреть? – Теперь настала очередь жены задавать вопросы.

– Сейчас еду в агентство. – коротко ответил он. – А там – как получится.

– Максим, я тут подумала, может, нам всё-таки лучше купить коттедж?

– Ира, мы это сто раз обсуждали. – раздражённо сказал Максим. – Посмотрим, как дела пойдут. Пока я не планирую окончательного переезда в Москву. Только рабочие поездки. Если сложится таким образом, что придётся переезжать, тогда будем думать вместе. Всё? Пока. Целую.

Как будто Ирина была способна думать... Мыслительный процесс никогда не был её стихией.

Опять пробки. И холодрыга. Максим поёжился. Хорошо, что заказал такси. Сам, в час пик, толком не зная дорог, вообще бы не доехал. Безумный город. Огромный, шумный, грязный. Максим не любил Москву. После чинного аристократичного Питера она казалась большим ему вокзалом. И воздух здесь был мерзкий, хоть не дыши или носи противогаз. Жуткая помесь смога и амбре бесконечных дешёвых закусовых – кофе и прогорклое масло. Его бы воля – он бы из Питера ни ногой. А если и перехал, то куда-нибудь в сторону Гавайев. Ирина, напротив, насмотрелась дурацких сериалов, начиталась дамских романов: «ах, Москва, ах, Рублёвка!» Во время последней поездки в Куршевель с скорешилась рублёвскими какими-то бабами, когда только успела? Те ей в уши насвистели, мол, Питер нынче вроде модной дачи, а настоящая жизнь в Москве.

А ведь когда-то столица ему нравилась. Манила мальчика из провинции. Тогда Москва была другой. И он был другим. Раньше всё было другим. Как в анекдоте:

«– Дедуля, когда лучше жить: сейчас или при Сталине? – При Сталине, внучек. – Почему?! – При Сталине бабы моложе были.»

Максим закрыл глаза и погрузился в лёгкую дремоту. Ему грезились биржевые сводки, думские баталии, Ирина в новом платье, и сам он на лыжах, почему-то посреди пляжа.

– Шеф, приехали!

Максим очнулся, протёр глаза. Расплатился с таксистом. Офис агентства недвижимости. Хорошие знакомые посоветовали обратиться именно сюда. Здесь представлена вся лучшая московская «элитка». Похоже. У входа встретил строгий охранник, он же швейцар. На стенах стильные фотографии крутых домов в самых выгодных ракурсах. Красиво снято, невольно захочешь купить. Симпатичная девушка с белозубой улыбкой:

– Максим Петрович, мы Вас ждём.

Куда вы денетесь...

– Пожалуйста, проходите в переговорную. Чай, кофе?

– Кофе, пожалуйста.

– Евгения Владимировна сейчас подойдёт.

Евгения Владимировна... Что-то ёкнуло внутри при звуках этого имени. Бывают же совпадения...

Дама лет сорока. Хороший возраст для деловой женщины. Строгий серый костюм – юбка до середины колена, салатная блузка с глухим воротом, гладкая причёска, неброский макияж...

– Добрый день. Меня зовут Евгения, я буду вести Ваше дело...

Рука сама собой дрогнула. Кофе пролился на столик.

Это всё-таки было не совпадение...

Чуть раскосые кошачьи прозрачно-зелёные глаза с мягким янтарным отблеском. Веснушки, затёртые тональным кремом, упрямые рыжие волосы, никак не желавшие слушаться

хозяйку. Как она изловчилась закрутить их в тугой узел? Аромат духов – лёгкий запах сирени – свежий, горьковатый, едва уловимый, будто лето посреди зимы. Девчонка из другой, далёкой Москвы, с уютными тихими двориками, тополиным пухом, бабушками на лавочках у подъезда пятиэтажки, тенистыми аллеями старого парка, окольцованного цепью прудов.

Евгения...

– Привет, Евгения. – Сказал он. – Надо же, где встретились.

– Макс? – Удивлённый взгляд, радостная улыбка. – Боже мой, сколько лет, сколько зим!

Кажется, она не лукавит. Так и не научилась? Неужели она и впрямь рада его видеть? Как воспоминание юности, дальней, светлой, беззаботной, когда всё ещё впереди, и жизнь прекрасна и удивительна. А он? Кажется, он тоже ей рад. Так странно: он почти не вспоминал о Евгении все эти годы, будто её и не было никогда. Не вспоминал. Но и не забывал ни на миг. Оказывается, так тоже бывает...

Отец Максима Протасова был военным лётчиком. Мать – врачом-гинекологом. Семья моталась по гарнизонам. Пять лет здесь, пять там. Максим привык к кочевой жизни с потёртым чемоданом в коридоре, к калейдоскопу городов, домов, квартир, друзей. Однажды отец пришёл домой сияющий, как новенький рубль, слегка навеселе, торжественно сообщил, что удалось договориться – следующим пунктом назначения будет Германия. В эпоху железного занавеса это известие вызвало фурор. Мама даже помолодела: прихорашивалась, перебирала наряды, а отец радостно восклицал, что всё старьё надо оставлять дома – за границей новое купим.

Лётный гарнизон, где поселилась семья Протасовых, напоминал деревню: здесь все знали друг друга и друг о друге. Скучные блочные пятиэтажки, поликлиника, клуб да школа – вот и всё, что видели доблестные советские воины. По периметру гарнизон был огорожен высоким бетонным забором, увенчанным колючей проволокой. За забором простиралось поле, за полем лес, а уже за лесом, в паре километров, находился крохотный немецкий городок, который и на карте не сыскать. До Берлина можно было добраться раз в неделю специальным автобусом от комендатуры. Так что, собственно желанную за границу Максим практически не повидал. Зато стал играть в волейбол и выучил язык. Их юношеская сборная частенько выезжала на игры со сборными немецких школ и нередко обставляла бюргеров. Макс был одним из лучших игроков, и командование пообещало его отцу путёвку по возвращении в Союз дать «путёвку в жизнь» способному пацану – направить через спорткомитет в ВУЗ. Это было актуально – папашин дембель приходился как раз на окончание Максом средней школы. Военная карьера его не привлекала. Максиму смертельно надоело кочевать, хотелось иной, размеренной стабильной гражданской жизни. Закинуть чемодан на антресоли, оборудовать свою комнату нехитрыми тренажёрами и знать, что это навсегда. Поразмыслив, Максим замахнулся на иняз. Немецкий у них вела классная руководительница Екатерина Григорьевна – мировая тётка: весёлая, добродушная, короткой стрижкой, стильной оправой очков и спортивной фигурой, затянутой в джинсы, – она и впрямь походила на немку. Екатерина Григорьевна была искренне влюблена в свою работу, постоянно выдумывала викторины, разыгрывала сценки, ставила пьески на немецком – не захочешь – заговоришь. Уезжая, дала ученикам свой телефон и адрес в Москве: будете проездом – звоните и заходите. Хороший уровень знания языка плюс помощь спорткомитета – это хороший набор для абитуриента – так самонадеянно рассуждал в то время Максим. Из Германии отца дембельнули в Бологое, под Питером, тогдашним Ленинградом, – на постоянное место жительства, на пенсию. Отец малость побурчал – хотел вернуться в родную Астрахань, к теплу и фруктам. Но мама обрадовалась: в Питере куда больше возможностей для сына.

Питер показался Максиму фантастической сказкой наяву. После полуказарменного ограниченного колючей проволокой гарнизонного бытия, где всё, от домов до улиц, было прямолинейным, незатейливым и неинтересным, он бродил по узким старинным улочкам, каждая из которых несла в себе сокровенную тайну и очарование минувших веков. С наслаждением вдыхал сырой, местами отдававший болотом воздух, разглядывал облупившиеся фасады исторических зданий, и картины прошедших эпох, порой жестоких, порой прекрасных, проносились в его воображении. Макс понимался с первыми лучами солнца, садился на электричку до Питера, возвращался поздно вечером, уставший, обалдевший, опьяневший от переизбытка впечатлений. Казалось, он никогда не насытится этим городом. Но близились экзамены, Макс взялся за книги, и впервые почувствовал страх. С утра до ночи он долбил немецкий, и всё же боялся, что в большом городе найдётся немало ребят, способных его обставить. В маленьком гарнизоне он был первым учеником, а здесь, в поражающей воображение Северной столице, внезапно ощутил себя серой посредственностью. Тогда маме пришла в голову идея: отправить на время мальчика погостить к одинокой пожилой отцовской родственнице, Антонине, в подмосковную Балашиху, заодно связаться с немкой Екатериной Григорьевной и взять у неё несколько частных уроков. Тётя Тоня искренне обрадовалась Максиму. Вместе с ним в тихую, заставленную старенькой мебелью и дорогими сердцу безделушками на комодике квартирку, ворвалась брызжущая энергией молодость.

Вечером Макс позвонил немке, и та пригласила в гости. Всё складывалось как нельзя лучше. Впервые в жизни Максим отправился в Москву.

Он ожидал, что столица поразит и ошарашит его не меньше Питера. Но Максима ждало разочарование. Москва оказалась огромной, шумной, неудобной. Подземка глотала человеческую толпу, сминала, комкала, равнодушно выплёвывала на нужной станции. Станции были красивыми – намного краше питерских, но казались холодными залами музея, далёкими и равнодушными, с вознёсшимися над шумящей толпой потолками, колоннами и мозаичными картинами над суетливым человеческим потоком. Жарким майским днём закатанный в асфальт город был душен, чадил выхлопами, заставлял обливаться потом и чихать от едкой дорожной пыли. Чахлые тополя не спасали положения, лишь вяло трепетали иссохшей листвой. Макс брёл по указанному адресу и думал, что в Москве нет ничего хорошего, и уже начинал считать дни до возвращения домой.

Дом, где жила немка, располагался в тихом зелёном дворике. На лавочках у подъездов сидели бабушки, шурились на солнце жирные коты, не обращая ни малейшего внимания на крутившихся неподалёку не менее толстых голубей, дети возились в песочнице, качались на деревянных качелях. Эта была совсем иная Москва, неспешно провинциальная, как маленький гарнизон, изолированная от чужой жизни, – та сердитая и неприветливая столица осталась где-то за невидимой границей. Макс подивился такой метаморфозе, вошёл в подъезд обычной кирпичной пятиэтажки, поднялся на второй этаж, надавил на звонок. За дверью, обитой дешёвым дермантином, раздались лёгкие шаги, тонкий девичий голосок спросил: «Кто там?» Максим ответил, что приехал к Екатерине Григорьевне. Дверь распахнулась. На пороге стояла девчонка в коротеньком цветастом халатике. У неё были длинные волосы цвета осеннего листопада, закрученные в пружинки и в беспорядке спадавшие на узкие плечи. Чуть раскосые, как у кошки, глаза – прозрачно-зелёные, отливали янтарным блеском. Очаровательный чуть вздёрнутый носик украшала семейка веснушек. На вид ей было лет четырнадцать-пятнадцать.

– Привет. – Сказала она, нисколько не удивившись, – проходи. Мама сейчас придёт. Позвонила, что на работе задержали.

Максим попал в узкий коридор, в котором места хватало только ему одному. Скинул кроссовки, бегло окинул взглядом комнату – чистенькую и небогатую, с сервизом

«Мадонна» в серванте и ковром с бордовыми розами на полу – неперенными символами Германии восьмидесятых. В квартире Протасовых были точно такие же сервиз и ковёр.

– Там кабинет. – Уловив его взгляд, девчонка кивнула на дверь в соседнюю комнату. – Чай будешь? Мама просила занять гостя.

– Нет, спасибо. – Неожиданно смутился Макс, хотя был вовсе не из робкого десятка. Он позабыл, что у немки есть дочка. Точно, бегала по школе какая-то щекастая пигалица. Имени, конечно, он не помнил и решил, что, наверно, стоит познакомиться. А то как-то невежливо получается.

– Кстати, меня Максим зовут. А тебя? – улыбнувшись, спросил он.

– Кстати, Евгения. – Чинно произнесла девчонка.

– Прямо так? – Рассмеялся Максим.

– Да, так. – Важно подтвердила малявка.

– А просто Женька не сойдёт? – Максим критически посмотрел на хозяйку.

– Нет, не сойдёт. – Тонким, не терпящим возражения, заявила девчонка и защёлкала переключателем программ телевизора, потеряв к гостю всякий интерес.

– Одну фигню крутят. – сказала она не то Максиму, не то в окружающий воздух.

Зазвонил телефон. Евгения сняла трубку и стала болтать с какой-то Машкой, почёсывая босой левой ногой правую под коленкой. Ножки у неё были очень даже ничего, отметил про себя Максим, длинные, тонкие. Вырастет, оформится, станет аппетитной девочкой.

– Да, я скоро выйду. – сообщала она в трубку, – Как только мама придёт. Нет, прямо сейчас не могу. К маме ученик приехал, а она задержалась. Кто симпатичный? Ученик? Какой ученик? Ах, этот... – Она обернулась, смерила Максима оценивающим с прищуром взглядом, отчего Максим почувствовал себя неловко и раздражённо заёрзал на диване, поморщила веснушчатый носик, и объявила: – Обыкновенный.

И тут принялась обсуждать противную математичку с дурацкой контрольной.

«Вот, мелочь нахальная, – досадовал Максим. – Дёрнуть бы её за волосы. Ишь, гриву отрастила... Рыжая-бесстыжая.»

Он размышлял, а рука сама по себе потянулась к янтарной пряди, пальцы ухватились за кончик, как тут девчонка обернулась, изумлённо вытаращила глаза, видимо дивясь подобному нахальству со стороны гостя, и, недолго колеблясь, легонько стукнула телефонной трубкой Максима по лбу. Максим отдёрнул руку, потёр лоб и торжествуя улыбнулся. Всё же удалось проучить маленькую задаваку!

– Ах ты! – беззлобно воскликнула Евгения и вдруг прыснула звонким и таким заразительным смехом, что Максим захохотал следом. А трубка продолжала что-то громко вопрошать.

Тут раздалась мелодичная трель.

– О, муттер. – Крикнула наполовину в трубку, наполовину Максиму Евгения. – Маш, ща выхожу! Пять минут!

Кинула трубку на рычажки, бросилась отворять, с размаху налетела на стул, чертыхнулась. Ураган, а не девчонка.

Екатерина Григорьевна радостно всплеснула руками:

– Макси-им! Вырос-то как! Возмужал. Женька, ты чаем чаем напоила?

– Не захотел. – Отозвалась откуда-то из недр квартиры Евгения.

– Ну что же ты! – Укорила немка. – Правда, чаю не хочешь? А кофе? Ладно, давай после занятий. Проходи в кабинет.

Кабинет представлял собой крохотную комнатёнку, все стены которой были заставлены стеллажами с книгами, а около окна притулился письменный стол с лампой и стул с вращающимся сиденьем.

– Женька почти всё прочла. – Поймав взгляд Макса, не без гордости сообщила немка. – Она читать любит. Давай, садись.

Максим сел на стул, Екатерина Григорьевна достала табурет. За дверью смерчем, всё сметая на пути, носилась Евгения. Что-то загрохотало.

– Осторожнее! – Крикнула Екатерина Григорьевна. – Мебель переломает! А потом все ноги в синяках. – Посетовала уже негромко Максиму. Вроде не глупая девочка, а ветер в голове.

– Маленькая ещё. – Тонем авторитетного дядюшки заявил Максим, чувствуя себя взрослым и умудрённым опытом в свои семнадцать. – Сколько ей?

– Пятнадцать, в июле шестнадцать исполнится.

– Ма, я пошла! – Раздалось за дверью. – Меня Машка ждёт!

– Куда пойдёте?

– В парк! Там наши собираются!

– Из класса? – Уточнила немка.

– Откуда же ещё? – Вопросом на вопрос ответила Женька.

– Покажись! – Крикнула Екатерина Григорьевна.

Евгения объявилась на пороге, картинно оперлась о дверной косяк. Белые брючки, зелёная кофточка в оранжевую полоску.

– Губы покрасила? – Неодобрительно спросила мать.

– Тебе показалось! – Отозвалась Евгения и тут же исчезла.

Входная дверь гулко хлопнула.

Екатерина Григорьевна покачала головой и открыла учебник.

Макс стал частым гостем в доме Екатерины Григорьевны. Он даже привык к столичной суете и пыли, и город стал казаться не таким противным. А после того как съездил в Кремль, побродил по Александровскому саду, заблудился среди узеньких центральных улочек, так похожих на Питерские, с крохотными, напоминающими боровики, пузатыми церквушками, понял, что готов полюбить Москву. Если Питер был любовью с первого взгляда, яркой девушкой с обложки, Москва явилась Максиму простой соседской девчонкой, чей шарм и прелестную неповторимость удалось рассмотреть не сразу, не второпях. После полуторачасового занятия немецким Екатерина Григорьевна накрывала чай с конфетами, Макс привозил пирожки, испечённые заботливой тётёй Тоней.

Изредка он видел Евгению. Девчонка не относилась к числу домоседок. Если она находилась в квартире, значит, либо потому что только что вернулась откуда-то, либо собиралась куда-то. Она была разной, переменчивой, как ранняя весна. То весело крутилась перед зеркалом, что-то напевая, сооружая из непослушных волос невероятные вавилоны. То задумывалась и бродила сомнамбулой, хмурилась, отвечала невпопад и жаловалась на плохой сон или головную боль. Раз Максим застал её не в настроении. Девчонка ворчала, что кабинет вечно занят, и ей негде делать уроки. А на другой день встретила его, как родного, продемонстрировала новые кассеты, потащила на кухню пить кофе, болтая, без умолку, о школе, однокласснике Валерке, предстоящем дне рождения подруги Машки. Екатерина Григорьевна не придавала причудам дочери большого внимания, ссылаясь на переходный возраст и гормональные всплески.

Евгения оказалась для своего возраста на редкость интересной собеседницей. Она много знала, многим интересовалась, обо всём, от творчества Гёте до Октябрьской революции, имела своё мнение, вполне взвешенное и обоснованное, подчас не совпадавшее с мнением Максима, к тому же умела отстаивать свою точку зрения, аргументируя каждое слово. В такие минуты Максим подчас забывал, что спорит с ребёнком.

– Ты бы лучше про экзамены думала. – Укоряла мать, – Времени осталось всего-ничего, только попробуй наполучать троек! Вместо курорта просидишь всё лето на даче с бабушкой!

Евгения лишь досадливо морщилась и делала рукой выразительный жест, словно отгоняла надоедливую муху.

– У меня всё под контролем. Хочешь, отвечу любой билет?

Не дожидаясь ответа, она притащила учебники русского языка и геометрии, листок с вопросами и заставила Максима её экзаменовать. Без запинки доказала теорему о подобии треугольников, рассказала про знаки препинания в сложносочинённых предложениях, начертила схему предложения. После этого обернулась к матери с торжествующим видом и нахально показала язык.

– У тебя хорошая память. – с уважением сказал Максим.

– Да, память у неё отличная. – Подтвердила немка. – Ещё в детстве с ходу запоминала большие тексты и иностранные слова. А грамматику она просто схватывает на лету.

– Тоже в иняз пойдёшь? – Спросил Максим девчонку.

– Наверное, – кивнула она. – Впрочем, я ещё не решила. Я думаю.

– Ты бы Максиму город показала что ли. – подсказала Екатерина Григорьевна.

– Что его показывать? Это что, трусики? – Удивлённо приподнимала брови Евгения. – Вот он, иди и смотри.

– Женя, что за пошлые остроты! – Негодующе воскликнула немка. – Я бы попросила впредь воздерживаться от подобных шуточек. Как не стыдно, да ещё в присутствии мальчика!

Евгения лишь хихикнула. Макс, к слову сказать, тоже прыснул. Девчонкина непосредственность и смешливое лукавство его забавляли. В ней не было нарочитого кокетства и выпендрёжности, которые, возможно, появятся позже. Она не играла во взрослую, не старалась казаться старше, опытнее, чем обычно грешат девочки-подростки. Она была самой собой – упрямой, своенравной, независимой, энергичной, прямолинейной. Казалось, всё её маленькое существо говорило: «Вот я, такая, какая есть. Принимай, или уходи.» Иногда, возвращаясь домой в гремучей электричке, Макс ловил себя на том, что под стук колёс думает о Евгении. Ничего конкретного. Просто вертятся в голове её рыжие волосы, кошачьи глаза, угловатые жесты, открытая улыбка...

Как-то в очередной приезд Максима стены комнаты содрогнулись от беспощадного стука. Кто-то молотил так, что она грозилась обрушиться.

– Евгения, перестань! Ты мешаешь заниматься! – Крикнула немка. И пожаловалась: Голова уже трещит!

– А что случилось? – Поинтересовался Максим.

– У Женьки в комнате оборвался карниз. – Посетовала Екатерина Григорьевна. – Она взялась сама его повесить. Я говорю: надо вызвать плотника, под потолком бетонная балка проходит, её просто так молотком не возьмёшь. А Евгения не слушает. Такая упрямая! – И добавила с неожиданной тихой гордостью. – Вся в отца.

Максим никогда не спрашивал про немкиного супруга: неудобно, и сейчас вопрошающе посмотрел на учительницу. Та поняла немой вопрос и ответила:

– Я ведь давно вдова. Мой муж, Володя, умер, Царство ему Небесное. Золотой был человек. Сгорел от рака желудка, как свечка. А всё, что после было – не то и не так. Пыталась, да не получилось. Может, это и к лучшему. Я ведь невольно всех с Володей сравнивала... А Евгения очень похожа на отца. Такая же рыженькая...

Губы Екатерины Григорьевны задрожали, и Максим вдруг осознал, что бывает боль, которую невозможно изжить до конца, она всегда с тобой, как воздух, как день или ночь. Можно забыться, но не забыть. Продолжать двигаться, петь, смеяться, снова любить, но в самом тайном уголке души хранить частичку померкшего света, который и даёт силы

жить дальше. Он застыл в молчаливом преклонении перед этим светом памяти, перед самим фактом его существования. Ему захотелось как-то помочь, что-то сделать для этой стойкой маленькой женщины.

– Давайте я попробую. – Решительно толкнул дверь в комнату Евгении, где до той поры не бывал ни разу. Окинул всё вокруг быстрым взглядом. Сразу видно: девичья. Обои в мелкий розовый цветочек, на узкой этажерке – мягкие игрушки, рядом с учебниками – маленькое подвесное трюмо с полочкой, заставленной банками-склянками. Узкая кушетка у окна под сбитым велюровым покрывалом с оборками, поверх раскиданы глянцевые журналы, на стенах – портреты тощих манекенщиц в экстравагантных нарядах, вперемешку с любительскими фотографиями в картонных рамках:– оранжевый закат на море, желтоглазые ромашки, смешливые девчонки в обнимку, полосатая кошка с глазами, как у Евгении.

– Женька снимала. – Мимоходом пояснила Екатерина Григорьевна. – Это её хобби. Фотоаппарат ей хороший в Германии купила.

– Здорово. – Искренне похвалил Макс.

Раскрасневшаяся от усердия, с прилипшими ко лбу рыжими прядями, выбившимися из стянутого резинкой «конского хвоста», в затёртых до дыр джинсах и растянутой футболке, Евгения балансировала на подоконнике с молотком в одной руке и длиннющим гвоздём в другой. Несколько покорёженных согнутых гвоздей уже валялись на полу. Возле босых пальцев с выкрашенными ярко-розовым лаком ногтями стояла жестяная банка из-под кофе – в ней смиренно ожидали своей участи остальные гвозди.

– Привет, – буркнула через плечо Евгения, приставила гвоздь к изрядно побитой стене и прицелилась молотком.

– Ну-ка, слезь, отдохни. – Коротко распорядился Макс.

Евгения попыталась спорить, но он просто стащил упрямую девчонку с подоконника, за что получил несколько щипков, подзатыльник и две царапины на шее.

– Ох, и вредная же ты. – Покачал головой Макс, потирая шею. – Дрель в доме есть? А лучше перфоратор.

– Инструменты на антресолях. – Сказала Екатерина Григорьевна. – Женя, принеси табуретку.

– Сам возьмёт. – Надулась Евгения. Уселась на кровати, обхватила руками колени, гневно сверкала исподлобья потемневшими глазищами.

– Чего злая такая? – Удивился Максим. – Помочь же хочу.

– А руки зачем распускать?!

– Ну, ты ребёнок! – Рассмеялся он. – Как тебя ещё было с окна согнать? Всю шею расцарапала. Больно же. Что теперь своей девушке скажу?

– Так тебе и надо. – ещё больше разозлилась Евгения. – Свою девушку и хватай. В другой раз укушу, понял?

– Понял. – Снова хохотнул Макс.

– Ничего смешного!

– Жень, ну как не стыдно? – Укорила немка. – Мальчик помочь хочет. Вот стремянка, полезай.

Максим залез на антресоли, чихая от пыли, нашёл старую сумку с инструментами, перебрал, вытащил дрель и набор свёрл.

– Дюбеля нужны. – Сказал он. – Есть поблизости хозяйственный магазин?

– Есть, есть. – Засуетилась немка. – Только мне так неудобно...

– Да всё нормально! – Заверил Макс. – Работы-то здесь на десять минут.

– Евгения, сходи с Максимом в «Стройматериалы». – Тоном, не терпящим возражений, наказала Екатерина Григорьевна.

– Ладно. – Неохотно согласилась Евгения. – Выйди, я переоденусь.

Через минуту Евгения вышла из комнаты уже в новых джинсах и клетчатой рубашке на мужской манер, оправила волосы, сунула ноги в мокасины, скомандовала:

– Идём.

До магазина шли молча. Евгения явно не желала снисходить да общения.

– Ладно, извини, – сказал Макс, – я не хотел тебя обидеть. Мир? – И протянул открытую ладонь.

– Ладно. – Евгения пожала руку. Ладонка у неё была на удивление крепкой, а пожатие неожиданно сильным для тощей девчонки.

– Мужскую работу мужик должен делать. – Вразумил её Макс, – а то мужа разбалуеть.

– Ты свою девушку учи. – Огрызнулась Евгения. – А замуж я пока не собираюсь. Мне ещё рано об этом думать.

– Когда-нибудь соберёшься. – Улыбался Макс. Эта мелкая рыжая бестия его забавляла.

– Тогда позвоню тебе и спрошу совета. – Парировала она и поковыряла в носу.

– Ох, и язва ты. – Покачал головой Максим. – Не хотел бы я быть твоим парнем.

– Даже если бы хотел – ты не в моём вкусе. – Фыркнула малявка.

Неожиданно Макс ощутил лёгкий укол обиды.

– Это почему? – Насмешливо поинтересовался он.

– У тебя волосы светлые. – С вызовом ответила Евгения. – А мне брюнетки нравятся. Понял? И вообще я выйду замуж за миллионера на крутой тачке. Какая машина хорошая считается?

– Мерседес. – Ехидно ответил Максим.

– Вот, значит, на «мерседесе».

– С чего ты взяла, что он на тебе женится? – Продолжил поддразнивать девчонку Максим. – Девушек полным полно, принцев на всех не хватит.

– Потому что я самая лучшая. – уверенно заявила Евгения. – Вон твои гвозди, выбирай.

– И где же ты собираешься искать своего миллионера? В Америке что ли? – На обратном пути продолжал допытываться Макс, сам не понимая, зачем провоцирует глупую беседу.

Евгения внимательно на него посмотрела и вдруг звонко расхохоталась.

– Что смешного? – Недоумевал Максим.

– Ты что, думаешь, я взаправду? Ха-ха-ха! Думаешь, я дурочка? Я же просто так сказала, ну ты даёшь! – И снова приступ хохота. Даже прохожие обернулись. – Я вообще замуж не выйду. Очень надо! – На полном серьёзе завершила Евгения.

Макс почувствовал себя круглым идиотом. Хотел посмеяться над девчонкой, а оказалось, она сама смеялась над ним. Ну да, конечно, все парни считают, будто девочки мечтают о сказочно богатых принцах на роскошных белых авто. Евгения решила обыграть эту легенду. Остроумно. Надо было найти достойный ответ, чтобы не остаться в дураках перед малявкой.

– А я-то повёлся. – Покаянно признался Макс. – Подумал, вот заработаю кучу денег, и приеду свататься на белом «мерседесе»... Ты к тому времени подрастёшь...

– Ну, если на «мерседесе», то ладно. – Смиловилась Евгения, – Валяй, буду ждать с нетерпением.

– Даже со светлыми волосами?

– Ну, покрасить не проблема, – снова захохотала Евгения. – А ты ничего, прикольный. Я сперва думала: ботан занудный. С тобой можно дружить.

– Вот, спасибо. Польщён. – Хмыкнул Максим. – Ты тоже ничего. Правда, язва и упрямая, как ослица. Но дружить с тобой тоже можно.

– О кей. – Сказала Евгения. – Значит, друзья?

– Друзья. – Согласился Макс.

Он повесил карниз, помог прицепить занавески, после чего Евгения снизошла до «спасибо». Растроганная немка долго благодарила Максима, зазывала на ужин, Максим отка-

зался – торопился на электричку. Евгения гордо удалилась в комнату и врубила на всю катушку модных италяшек, отчего в стену возмущённо застучали соседи.

Выйдя из подъезда, Макс почему-то обернулся, отыскал среди десятков освещённых окошек единственное, неплотно задёрнутое светлыми шторами. Зачем-то постоял, словно ждал чего-то, потом побежал к остановке. В электричке, как обычно, открыл учебник для повторения, но немецкая грамматика отказывалась лезть в голову. Смотрел в книгу, а думал о Екатерине Григорьевне и её покойном муже, о боли, которую иногда не лечит время, о сокровенной памяти, которая всегда с тобой. И о вредной рыжей девчонке, предложившей ему свою дружбу.

Тем летом Максим поступил в Питерский университет. Немецкий сдал на пятёрку, и даже удостоился похвалы старенького седого дядечки из приёмной комиссии.

– Где Вы так хорошо выучили язык, молодой человек?

– В Германии. – Отрапортовал Максим. – Мой отец там служил в военном гарнизоне. У нас была очень хорошая учительница.

– Замечательно. – Одобрил экзаменатор. – Сын защитника Родины. Такие кадры нам нужны, не правда ли? – Обратился к полноватой даме в очках. Та согласно закивала.

Поступление Максима отмечали долго и шумно. Мать ворчала, перепрыгивала заначки, отложенные на чёрный день, но отец их всё равно находил. С родственниками, друзьями, коллегами, знакомыми, соседями и просто «хорошими людьми» папаша гудел дни и ночи напролёт, в итоге даже пришлось вызывать Скорую, но к счастью, всё обошлось. В один из дней, очумевший от отцовских попоек и нетрезвых гостей Макс объявил, что съездит в Балашиху к тётке Тоне, заодно и зайдёт к немке – поблагодарить.

Антонина расчувствовалась до слёз. Облобызала племянника в обе щеки, накормила наваристым борщом, поставила тесто для пирога с яблоками с собственного сада. Включила доисторическую пластинку на стареньком патефоне – чувственный женский голос пел о вечной любви. Максиму было хорошо. Он утомился от отцовских пьянок, которые в последнее время случались всё чаще: тот не мог найти себя в гражданской пенсионерской жизни. От хмурого ворчанья издёрганной матери, от частых родительских скандалов с криками и битьём сервиза «Мадонна». А здесь было тихо, спокойно, солнце пряталось в кружевных занавесках, и ходики на стене неспешно отсчитывали замедленный ход времени.

– Тётъ Тонь, – прихлёбывая компот, спросил Макс, – а почему ты замуж не вышла?

Тётка опустила глаза, на добром морщинистом лице заиграла печальная виноватая улыбка. Натруженные жилистые пальцы принялись разглаживать без того безупречную вышитую скатерть.

– Не сложилось, милый. С нелюбимыми не хотелось жить, а любви не дождалась. Вот такие пироги с яблоками. – тихо объяснила она.

– Прости, тётъ Тонь. – Максим обнял тётушку за вздрогнувшие плечи. – Я не хотел тебя расстроить.

– Да всё хорошо, Максюша, – засуетилась тётка, – дело прошлое! Наоборот, я рада, что кого-то ещё интересую. – И рассмеялась сердечным журчащим смехом. – Совсем большой стал, – потрепала племянника по вихрам, – вот и вопросы взрослые задаёшь. Наверно, уже и девушка есть?

– Нет пока, – беспечно отозвался Макс. – Не до того было.

– И правильно, главное в институт поступил. – Одобрила тётка. – А девчонок у тебя ещё будет – фью, – присвистнув, очертила пальцем круг над головой, – выше крыши. Ты мальчик видный... Будут девки вешаться гроздьями, главное, головы не теряй.

– Не буду, – со смехом пообещал Макс.

Похвалы тётки были приятны. Особенно на фоне бесконечного материнского ворчания: «Вымахал здоровый, бестолковый... Не сутулься... Топаешь, как слон... Постригись уже, а то на дурня похож»

Сам Максим весьма критично относился к собственной внешности. Но многие одноклассники считали его очень симпатичным. Правда, другие фыркали, мол, ничего особенного. Но те и другие сходились во мнении, что фигура у Макса – что надо – результат длительных спортивных тренировок. Максим пришёл к заключению, что не червонец, чтобы всем нравиться. В конце концов, мужчина должен быть немного красивее обезьяны. Если происходит наоборот, тогда всё печально.

Вот и нахальная Евгения заявила, что ей нравятся брюнеты. Глупая девчонка. Как будто цвет волос имеет решающее значение... Сама-то рыжая-конопатая. Впрочем, почему его должно волновать мнение какой-то мелюзги? Но раз уж вспомнил...

Максим набрал номер немки. Трубку на том конце сняла Евгения. Максим представился, сообщил, что поступил в университет, сказал, что хочет поблагодарить Екатерину Григорьевну.

– Вау! – Завопила она так, что в ухе зазвенело. – Молоток! Муттер за тебя кулаки держала! И я тоже! Когда заедешь?

– Могу сегодня. – Откуда ни возьмись непонятное волнение. Никак от экзаменов не отойдёт что ли?

– Валяй. – Дала добро Женька. – Я щас муттер на службу позвоню. Чао!

Усмехнувшись, Макс повесил трубку. Ну и жаргон. Странно представить, что пару лет назад он сам так разговаривал. Порылся в вещах, обнаружил, что одна рубаха узковата, другую надевал раз сто, на третьей, классной, откуда ни возьмись обнаружилось пятно... Макс поскрябал его ногтем, но пятно не оттиралось.

– Поедешь к учительнице? – появилась в дверях тётка.

Да, куплю шампанское, торт. Всё-таки, если бы не она...

– Правильно. – Одобрила тётка. – А что ты там трёшь?

– Вот, – Макс огорчённо продемонстрировал пятно, – сам не знаю, где посадил. Блин, мать за этой рубахой два часа в очереди в Пассаже стояла... Надеть хотел.

– Дай сюда. – Скомандовала тётка.

Она удалилась в ванную, поколдовала там несколько минут и вынесла рубаху, где от пятна осталось лишь мокрое место, причём в прямом смысле этого слова.

– Сейчас я утюжком посушу. – Успокоила тётка. – И можешь надевать.

– Спасибо. Тётъ Тонь, ты настоящая волшебница. – Чмокнул он тётку в рыхлую щёчку.

– Деньги-то у тебя есть? – поинтересовалась она.

– Есть! – Радостно отозвался Максим, поливаясь одеколоном. Тётка Антонина стояла в дверях, скрестив руки на полной груди, ласково наблюдала за племянником.

– У этой учительницы, кажется, дочка? – Неожиданно спросила она.

Максим дернулся и обрызгал одеколоном зеркало.

– Евгения? Она ещё мелкая. Ей всего пятнадцать.

– Девочки рано взрослеют. – Заметила тётка. – Быстрее, чем мальчишки. Те ещё в войнушку играют, а у этих уже любовь...

– Женька не из таких. – Возразил Макс.

– Симпатичная? – Продолжала расспрашивать тётушка.

Макс на секунду замешкался.

– Да, ничего. Рыжая. – Он подавил нежданный вздох.

– Рыжие – самые опасные. – Зачем-то сказала тётя Тоня. – Ну, в добрый час. – Потянулась, чтобы поцеловать Максима, снова удовлетворённо констатировала:

– Как ты вырос...

В коммерческом магазине Максим купил торт из воздушного беже, украшенный шоколадом, шампанское и сок для Евгении. При выходе из метро попался на глаза цветочный ларёк. Немке будет приятно.

– Какого цвета? – Равнодушно спросила продавщица.

– Давайте вон те, с ободками. – Растерялся Макс. Он никогда не покупал цветов, обычно этим занималась мать. Приносила пушистый веник и говорила: подаришь Марьивановне, или однокласснице Любке на день рождения... Он уже пожалел, что ввязался в цветочную авантюру, особенно когда услышал стоимость, но было поздно. Дорогу от метро до немкиного дома он проделал пешком, чтобы букет не смяли в транспорте.

– Ой! – Всплеснула ладошами Екатерина Григорьевна, – какие шикарные розы! Евгения, погляди, какое чудо! Неси скорее вазу!

– Ничего. – Передёрнула оголёнными в широком вырезе блузона плечами вредящая девчонка. – Но я больше сирень люблю. Вау, какой тортик!

– Женька! – Сурово шикнула Екатерина Григорьевна.

Максим едва сдержался, чтобы не отшлёпать негодницу дорогушим букетом.

– А шампусик для нас обеих? – С невинным видом поинтересовалась Евгения.

– Тебе сок. – Строго сказала немка. – Доставай жаркое из духовки...

– Дискриминация. – Посетовала девчонка. – Придётся пить тайком в дурной компании, где-нибудь в сыром подвале.

Екатерина Григорьевна, похоже, восприняла угрозы дочери всерьёз, потому что разрешила налить ей чуть-чуть – очертила ногтем на бокале незримую линию.

– За твои успехи, мальчик. – Сказала она. – Пусть это будет хорошим началом твоего пути.

– Ура три раза. – Подытожила Евгения. – Закусывайте, господа.

Максим сидел за кухонным столом, покрытым цветастой клеёнкой, пил шампанское, парировал на колкости вредной девчонки, и внезапно его посетило ощущение беспричинного полного счастья. Счастье было настолько ярким, всеобъемлющим, что казалось осязаемым, как стол, бокал, рыжие кудри Евгении. Ему хотелось просто сидеть, смотреть, говорить, наслаждаться каждой секундой, каждым мгновением... Вот, оказывается, что такое счастье – абсолютное растворение в нынешнем моменте, – время останавливается, и нет ни воспоминаний, ни размышлений о будущем – ничего, кроме «здесь и сейчас». Наверно, то было действие шампанского...

– Хочешь, я тебя сфоткаю для моего вернисажа? – Спросила Евгения.

– Не знаю. – Промямлил Максим. – Я плохо получаюсь.

– А у меня получишься хорошо. – Уверила девчонка. – Только нужен какой-нибудь вид. Здесь не пойдёт. Пошли в парк!

– Конечно, сходите! – Поддержала дочь Екатерина Григорьевна. – Погода хорошая, воздухом подышите. Максим, ты ещё не видел наши «Сокольники»?

Максим сознался, что «Сокольники» не видел.

– Много не потерял. – Фыркнула Евгения.

– Ну, как же так! – Укорила немка. – Чудесный парк. Один из самых старых в Москве. Женька знает его как свои пять пальцев.

– Да-да, я выросла в парке, прямо под кустиком, как хиппи, – воздела глаза к потолку Евгения, – сейчас мама достанет семейный альбом и начнёт показывать фотки, где я катаюсь на каруселях и сижу на горшке. Надо бежать...

– А мне интересно посмотреть на твой горшок, – съязвил Макс, радуясь случаю подколоть языкастую малявку. Но та уже толкала Максима к дверям.

В парк зашли с лесного входа, оставив в стороне карусели, цветники и фонтаны.

– Центр для пенсионеров и мамаш с колясками. – Хмыкнула Евгения. – Правда, продают вкусное мороженое, иногда мы с ребятами там тусуемся. Но настоящий кайф – в лесу. Есть у меня заветное место. Я тебе покажу.

Скоро и впрямь начался настоящий лес – осока по пояс, вековые сосны, берёзы с причудливыми изгибами стволов, переключка птиц, запах молодых трав, хвои, грибной сырости тенистых аллей.

Евгения увлекла Максима с асфальтовой дороги вглубь парка на узкую тропинку, петлявшую меж зарослей крапивы.

– Другого пути нет? – Подняв руки, чтобы не обжечься о злую траву, полюбопытствовал Макс.

– Так короче. – Евгения тоже подняла руки и выписывала в воздухе плавные круговые движения на манер индийской танцовщицы, пританцовывая на ходу. Звенели браслеты на тонких запястьях, тугие затянутые денимом бёдра девчонки ритмично двигались в такт неведомой музыке, слышимой ею одной. Максим с трудом отвёл взгляд в сторону, ему вдруг стало неловко, словно подсматривал в замочную скважину. Капельки пота проступили на лбу, он отёр их платком и почувствовал жгучую боль – крапива ужалила-таки запястье.

– Чёрт! – В сердцах выругался Максим, сердясь на крапиву, девчонку и себя самого.

– Мы друзья? – нежданно спросила Евгения.

– Конечно, – кивнул он.

– Я хочу с тобой посоветоваться. Только дай слово, что не расскажешь маме!

– Не скажу! – Отозвался Максим. – А в чём дело?

– Придёт время – скажу. – Таинственно заявила девчонка. – Скоро, уже скоро... Уже добрались! – Евгения обернулась. – Ну-ка. – И замерла статуей, картинно разбросав руки.

Деревья расступились. Впереди простиралась аллея, на которой в художественном беспорядке росли сиреневые кусты, увенчанные тяжёлыми гроздьями цветов. Белых, синих, лиловых... В воздухе стоял её густой тягучий горьковатый запах, как в парфюмерном отделе универмага. От него кружилась голова, и теснило грудь.

– Нравится? – Спросила Евгения. – Правда, здорово?

– Я думал, сирень уже сошла.

– Это поздние сорта. – Пояснила Евгения. – Место называется сиреневый сад.

Здесь я тебя и сфоткаю. Ну-ка, встань туда, расслабься... Стоп! не делай официального лица, я же тебя не на стенд «Их разыскивает милиция» снимаю.

Макс фыркнул.

– Уже лучше. – Сказала Евгения. – Но надо добиться полной естественности, иначе фотка не получится. Смотри на меня...

И она стала паясничать, пританцовывать, показывать язык, строить уморительные рожицы. Как вдруг схватила фотоаппарат, нацелилась объективом, щёлк!

– Зер гут. – Удовлетворённо произнесла Евгения. – Снимок при встрече. А теперь познакомься с моим любимым садом. Разреши представить, это моя любимая, махровая сирень.

Она подтащила Макса к огромному раскидистому кусту, нагнула ветку, сорвала лиловую гроздь, прикрыв глаза, блаженно вдохнула аромат и прошептала:

– Ах... Хорошо! На, понюхай! – И поднесла к лицу Максиму. Он втянул терпкий с горчинкой запах, чувствуя, как пьянеет от безумного аромата.

– Обожаю сирень. – Полузакрыв глаза, томно прошептала Евгения. – Мои духи похожи, как думаешь?

Она приблизилась, чуть склонила голову, подставила висок с пульсирующей голубой прожилкой. Максим, как зачарованный, вдохнул запах янтарных кудрей, зарылся в них

лицом, чувствуя, как земля начинает медленное вращение под ногами. Ему вдруг показалось, что они оба сейчас потеряют равновесие и упадут, одной рукой он судорожно взялся за сиреневый ствол, другой подхватил Евгению за тонкую талию и замер, не в силах пошевелиться, чувствуя, как внутри разгорается медленное пламя.

– Я хотела тебя спросить... – промолвила Евгения. – Только не смейся, ладно? Ты умеешь целоваться?

– Что? – Севшим голосом переспросил Максим.

– Ну, ты когда-нибудь целовал девушку?

– Зачем тебе? – Его пальцы медленно перебирали её кудри, одновременно мягкие, как пух и жёсткие, как проволока. Как такое могло быть?

– Я встречаюсь с одним парнем из нашей школы. – Простодушно объяснила Евгения. – Кажется, я ему нравлюсь, и он мне тоже. Я думаю, вдруг он захочет меня поцеловать, а я не умею этого делать? Покажи мне.

– Что?! – Снова переспросил Максим, чувствуя, жар и холод одновременно.

– О, Господи! – Всплеснула руками Евгения. – Ну, ты можешь меня поцеловать повзрослому? Что тебе, трудно, что ли? мы ведь друзья!

Друзья... Он вдруг возненавидел это слово. Кто только придумал, что можно дружить с маленькими глупыми девчонками? Хотел оттолкнуть её, гордо отвернуться, объяснить, что есть вещи, которым нельзя научить, как в школе. Что не может, не станет, не хочет... Хотел... Не смог.

Максим обнял Евгению, привлёк к себе, ощутив всем существом упругое тепло её стройного тела, она закрыла глаза, запрокинула голову, волосы рассыпались дождём. Её губы – полные мягкие полуоткрытые были совсем близко. Он видел каждую чёрточку, припухлость, – и понял, что никогда и ничего не желал в жизни так страстно как этого безрассудного поцелуя...

Евгения оттолкнула его, рывком разорвала огненное кольцо сплетённых рук и тел, сделала шаг назад. На её личике появилась брезгливая гримаса.

– Тьфу, гадость какая. – Сказала она, тщательно вытирая губы тыльной стороной запястья, – тьфу. Как это может нравиться, не понимаю? По-моему, книги сильно преувеличивают. Ладно, пошли, а то мне ещё к Машке надо забежать.

Евгения сломала ветку сирени и пошла, как ни в чём не бывало, не оборачиваясь, что-то напевая под нос, дирижируя цветком, нимало не догадываясь, не задумываясь о губительной силе своего раннего расцвета.

Макс брёл позади как зомби, оглушённый, опустошённый. В голове стоял непонятный гул, ноги были ватными. Он изнемогал от навалившейся тяжести внезапного откровения: эта девочка-подросток взволновала его, как волнуется мужчину взрослая женщина.

– Неужели тебе это нравится? – вслух размышляла Евгения.

– Ты ещё маленькая. – Глухо сказал Максим. – Придёт время, тебе тоже понравится.

– Многим девчонкам в классе это нравится. – Помахивая веткой, говорила Евгения. – Может, это потому что ты не мой парень, а просто друг? Может, с Павликом будет иначе? Надо попробовать.

Ему вдруг отчаянно захотелось развернуть девчонку за плечи, заглянуть в её кошачьи глаза и ударить наотмашь по губам. По безумно сладким губам, с которых срывались гадкие слова. А потом снова прильнуть к ним и целовать, пока хватит воздуха, остаток дня, весь вечер, ночь, всю вечность...

Максим ехал в полупустой электричке, тупо смотрел в окно и видел лицо Евгении, а в вагоне одуряющее пахло сиреню. Пытался думать о другом: об институте, о предстоящем отдыхе, но мысли упорно возвращались к девчонке, неожиданно повзрослевшей этим вечером. Как он мог так долго обманываться? Врать себе и всем, что относится к Евгении как к

сестрёнке, маленькой дочке его учительницы. Что приезжает исключительно на занятия, а вовсе не с целью увидеть её лишней раз... А ей всего пятнадцать... Проклятие!

Максим чувствовал себя извращенцем, педофилом, растлителем малолетних и просто гадом в одном флаконе. Он говорил себе, что больше не поедет к немке, не увидит Евгению до тех пор, пока ей не исполнится хотя бы семнадцать. Что встретит взрослую девушку, с которой будет не только целоваться, но и заниматься сексом до умопомрачения, до полного забвения всего, что случилось сегодня...

Колёса мрачно и монотонно отстукивали начало нового пути.

Летом всех первокурсников отправили в стройотряд. Началась весёлая разгульная студенческая жизнь вдаль от строгих родительских глаз. Вечерами после работы деревенский самогон в жестяной кружке, хмельные танцы до упаду, девушки на любой вкус.

Там Максим встретил Риту. Она была полной противоположностью Евгении – знойная брюнетка с роскошными формами, настоящая женщина-вамп. По Рите сходило с ума полкурса, а она, Бог знает почему, выбрала Макса, хоть он к тому и не особо стремился. Быть может, именно поэтому и выбрала. Рита была старше на пару лет. Говаривали, что она чертовски умна – у неё был один из самых высоких проходных баллов на потоке. Ещё говорили, что она дочка какого-то крутого чина, полжизни прожила в загранке, шпарила на трёх языках. Но в стройотряде эти качества не были главными. Яркая эпатажная в откровенных нарядах – юбки-супермини, брючки а ля вторая кожа, крохотные топики, шикарный купальник – Рита всегда была в центре внимания, она любила крепко выразиться, обожала грубый солдатский юмор, пила залпом самогон, как воду, зажёвывала хлебной коркой или яблочком и почти не пьянела, только в цыганских глазах прибавлялось страстного блеска. Однажды на ночном диско Рита сама пригласила Макса на медляк, а потом и в свою постель, где они исполнили фигуры высшего пилотажа. Рита любила секс, знала, как получить удовольствие и умела доставить. До неё у Максима было немного интимного опыта: разбитная одноклассница да пара девчонок в спортивном лагере. Рита стала его наставницей в мире наслаждений. После стройотряда Рита предложила махнуть в Польшу – оказалась, что она давно и успешно фарцует. Максим согласился. Лето прошло в сексуально-торговом угаре.

В стране начались перемены. Железный занавес потихоньку приоткрылся, наиболее предприимчивые граждане, в том числе студенты питерского универа, не преминули этим воспользоваться. Враз изменились приоритеты. Прежние лозунги «будь, как все»; «деньги – зло»; «богатство в духовности» трансформировались в «будь круче других»; «если ты умный, почему бедный?»; а фразу «не в деньгах счастье» успешно дополнили антитезой «а в их количестве...» «С милым рай в шалаше, если милый на «порше», – говаривали длинноногие красотки, ещё вчера утверждавшие, что любовь за деньги не купишь. Максим старался не упускать ни одной возможности дополнительного заработка, тем более что в семье начались финансовые проблемы. Отец всё больше пил, мать болела. А жизнь с новыми возможностями и соблазнами: выставшими как грибы после дождя ночными клубами, кабаками, бутиками, зарубежными поездками – всем, что раньше было недоступно, и вдруг свалилось как снег на голову, манила, притягивала, заставляла изыскивать новые способы получения доходов. И Макс крутился, как мог, обзаводился нужными знакомыми и связями. К весне подфартило: сумел устроиться на подработку гидом в крупную турфирму по приёму иностранцев в Питере. Вот когда пригодилась юношеская влюблённость в город, в самые приметные мостки и закоулки. Макс рассказывал то, чего не знали другие гиды, и его экскурсии пользовались огромным спросом. Он умел увлечь, заразить своей страстью к Питеру, и иностранные туристы часами бродили за ним очарованными странниками.

Иногда он вспоминал Евгению: мелькала в толпе девчушка с солнечной шевелюрой, или бродяга ветер доносил из парфюмерной лавки слабый сиреневый аромат... И тогда что-

то колыхалось внутри, рождая тончайшую светлую печаль от мимолётности и невозможности происходящего...

Отношения с Ритой продолжались. Макс переехал в её квартиру на Невском, отделанную по последнему писку моды, – со вспененными обоями, подвесными потолками, многоярусной подсветкой, гидромассажной ванной, кожаной мебелью в гостиной. Но и там они виделись не так уж часто – оба вели сумасшедшую жизнь. Рита была завсегдатаем модных тусовок, настоящей светской львицей. До Максима нередко доходили слухи, что он у неё далеко не единственный, но выяснять подробности ему было недосуг, да и не хотелось. Он и сам не был ангелом: не упускал возможности провести время с симпатичной девушкой. С Ритой кроме бурного секса их связывали деловые отношения. Они не закатывали друг другу сцен, не устраивали допросов, но легко могли помочь, если вдруг возникали денежные или какие-нибудь другие проблемы.

Матери Максима Рита не нравилась. Она называла её шлюшкой и ворчала, что не одна приличная девушка не станет жить с парнем до свадьбы. Но когда сын сообщил, что жениться пока не собирается, смирилась. Против природы не попрёшь. Здоровому парню секс необходим. Лучше так, чем в подворотнях. Отец же, обзрев Ритины пропорции, украдкой оттопырил большой палец и сказал, что у Максима хороший вкус.

Так пролетел год. Летом Рита пригласила Максима во Францию. Оказалось, у неё родня в Париже. Максим согласился, к тому времени он уже очень неплохо зарабатывал и мог позволить романтическое путешествие на двоих. Франция поразила его воображение, Париж очаровал. Рита отлично водила машину. Они взяли в прокате небольшой «пежо» и исколесили полстраны. Купались в лазурных водах, занимались любовью на берегу под шорох волн. Проезжали по городам и весям незнакомой стильной страны, делали новенькой «мыльницей» фото на память. Максим невольно вспомнил Евгению. Вот бы ей всё это увидеть, что бы она сказала... Сколько времени прошло... Какой она стала? Выросла? Изменилась? Наверняка, похорошела... Наверно, у неё уже есть поклонник... На Новый Год отправлял немке открытку, где передал привет Евгении, но ответа не получил...

Ночью, в номере небольшой уютной гостиницы, где в распахнутом окне под шум прибоя полоскался белый парус занавески, на скомканных после страстных баталий простынях, Рита ласково провела коготками по груди Макса и проворковала:

– По-моему, мы идеальная пара...

– Точно. – Умиротворённо согласился Макс и смежил веки, чтобы провалиться в сладкий сон.

– Почему бы нам тогда не пожениться? Мы могли бы вместе переехать в Париж навсегда.

Вмиг сон как рукой сняло.

– Да, конечно, почему бы нет? – Промямлил Макс. – Надо подумать... Давай поговорим об этом завтра, о кей?

– Хорошо. – Холодно отозвалась Рита и отвернулась к стене.

А Макс долго не мог уснуть. Лежал с открытыми глазами и думал: возможно, Париж стоит мессы, но как быть с утраченной свободой?

Когда Максим вернулся, ему сообщили о болезни тётки.

– Что с ней? – Всполошился он.

– В больницу попала с давлением, но, вроде, обошлось – уже выписали. Съездил бы к ней, что ли? – Сказала мать. – Всё-таки не чужая. Может, надо в аптеку сбегать, воды подать. А то от папаши твоего, сам видишь, толку никакого. А меня с работы не отпустят.

– Конечно, съезжу, о чём речь? – С готовностью отозвался Максим. – Только возьму книги, заодно летнее задание сделаю.

– Уж сделай, – ехидно подколола мать, – а то больше негде.

Максим пропустил её колкости мимо ушей. Он понимал, что мать никак не может привыкнуть, что её мальчик вырос и живёт своей жизнью, совершенно не похожей на жизнь родителей и их на представления о правильности и разумности бытия. Вот и духи, которые Максим привёз из Франции, бережно убрала в сервант. Макс недоумевал: вещь надо пользоваться, а не выставлять её напоказ, как на витрине. К чему немецкие сервизы за стеклом, из которых никто не ест, ковры на стенах – им место на полу, а на стены надо вешать картины. Мама начинала спорить, горячиться, рассуждать о рачительности и бережливости, о превеликих трудах, с которыми всё наживалось. Максим не соглашался. Он считал, что приобретения должны служить хозяевам, доставлять им удовольствие, иначе они не имеют смысла. Уже после понял, что удовольствие все получают от разного, он – от использования, родители – от обладания, и перестал вступать в дебаты.

Перед поездкой решил навести порядок на письменном столе, заваленном бумагами лохматой давности, старыми журналами, газетными статьями и прочей дребеденью. В мусор летели пожелтевшие листки, школьные тетрадки, прошлогодние шпаргалки, использованные блокноты и черновики – удивительно, сколько хлама производит человек за довольно короткий отрезок времени. Обрывки записей, устаревшие брошюры, конверт с московским штемпелем, подписанный острым полудетским почерком...

Рука замерла в воздухе, мелко заплескала, запрыгали перед глазами буквы, выведенные синими чернилами шариковой ручки. Конверт не был вскрыт. Максим попытался аккуратно расклеить, но бумага не слушалась. Ножниц рядом не оказалось, он неровно разорвал верх, вытащил листок в линейку из школьной тетрадки.

«Привет, Макс! Спасибо за новогоднее поздравление. Мама просила ответить. Она передаёт привет. У нас всё о кей, как у тебя? Учиться трудно? На фотке ты классно получился, старше, чем на самом деле. При встрече отдам. Будешь в Москве – заходи. Пока. *Евгения.*»

– Мама! – Не своим голосом заорал Максим. – Ма-ам! Когда пришло это письмо?

– О, Господи! – Прибежала с кухни мать приложила ладонь к груди, – ты чего орёшь, как ненормальный? Думала, что случилось... Письмо, какое письмо? Ах, это... Да, кажется, ещё зимой. Я к тебе на стол положила. Дома чаще надо бывать.

– Ты бы хоть сказала. – Тихо укорил Максим.

– Ну, забыла, извини. Там что-то срочное было? От кого? Мне показалось, от девочки какой-то... Одноклассница что ли? Ты ж теперь с этой своей Ритой...

– Ладно, проехали. – Отмахнулся Максим, – позвони тётке Тоне, предупреди, что поеду на «Стреле», утром буду.

Рита наблюдала за сборами с деланным безразличием, потягивая привезённое бордо из хрустального бокала.

– Это что, бегство? – Не выдержав, съязвила она.

– Прекрати, – поморщился Максим, – какое ещё бегство? Тётка старая, заболела, вернись – всё обсудим.

Рита молча забрала бокал и початую бутылку и, гордо выпрямившись, удалилась на кухню. Зафыркала кофеварка.

– Ну что ты примчался, Максюша, у меня ж всё хорошо. Вот, дура старая, вас всех напугала. – Причитала тётя Тоня. – Я ж и пирожков испечь не успела, ты уж прости...

– Тётъ Тонь, ну какие пирожки? – Укорил Максим, – ты лежи, давай. Как себя чувствуешь-то?

– На том свете належусь. – Упрямылась тётка. – В больнице все бока отлежала. И чувствую себя нормально. Вот, таблетки от давления пью.

– А я тебе из Франции подарок привёз. Гляди. – Развернул длинный шёлковый халат цвета ясного неба, по подолу и рукавам вышитый мелким узором.

– ой, ми-илый, – всплеснула руками тётка и, всхлипнув, расцеловала Максима в обе щеки, – красота-то какая... Батюшки, я даже не думала, что такую красоту простые смертные носить могут... Максюша, я тебя прошу, когда помру, ты меня в эту красоту одень...

– Тьфу! – Отстранился от неё Максим, – типун те на язык, тётъ Тонь! Чё несёшь-то? Я те помру! Ещё на моей свадьбе спляшешь! А халат чтоб носила. Потом новый привезу.

– А скоро свадьба-то? – Встрепенулась тётка. – Это на той девушке, с которой по Парижам ездил, женишься? Мама твоя говорила, у неё живёшь, что девушка шибко богатая?

– Тётъ Тонь, я ничего ещё не решил. – Максим нервно заходил по комнате.

– Если сомневаешься, то не женись. – Убеждённо сказала тётка. – Значит, не судьба. Будешь маяться, никакие Парижи будут не в радость. Потом свою единственную встретишь, а поздно. Жена, дети... Без любви-то трудно жить, Максюша...

– И с ней тоже нелегко. – Мрачно усмехнулся Максим. – Ты, вон, любовь всю жизнь прождала...

– И хорошо, что прождала. – С жаром воскликнула Антонина, – Мне стихотворение одно в молодости запомнилось. Я хоть без образования, не шибко начитанная была, а это где-то услышала, и запомнила:

Она прикрыла глаза и с чувством прочла:

– Ты лучше голодай, чем, что попало, ешь,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.¹

А любовь... – Тёткина улыбка стала грустной, беспомощной. – Была и у меня любовь... Да вот только опоздала. Я-то дождалась, он не дождался. Женатым был мой Степан, детишек трое... Не сложилось у нас...

С колотящимся сердцем Максим набрал знакомый номер. Трубку сняла Евгения. Её голос слегка изменился, из звенящего стал более низким, глубоким.

– Вау! Привет! Куда пропал?! – как будто расстались неделю назад. – Как поживаешь? Хорошо? У нас тоже всё окей! Ты в Москве? Ну да, я хотела сказать, в Балашихе. Всё время забываю. А у меня завтра вечеринка! Приходи, я тебя приглашаю. К трём часам. Муттер до вечера на дачу свалит. Мы будем одни гудеть, мне ж уже шестнадцать исполнилось, прикинь!

– Совсем взрослая. – Слегка ошалев от напора словесного потока и обилия информации, вставил Максим. – Замуж пора выдавать.

– Хи-хи! – Донеслось из трубки. – Я жду белый «мерс», забыл? Он у тебя уже есть? Нет? Тогда отдыхай. До завтра, чао-какао!

Максим повесил трубку на рычажки и отёр взмокший лоб.

– Всего шестнадцать... Чёрт возьми, как медленно летит время...

О том, что в доме вечеринка, можно было догадаться ещё на улице. На балконе курили три подростка, методично сплёвывая вниз. Из открытого окна на всю ивановскую орал модный немецкий дуэт.

Дверь открыла Евгения. Светлое летящее платье – юбка до колен с воздушными оборками, цветок в волосах. Губы тронуты перламутровым блеском. Ещё не взрослая, уже не

---

¹ Омар Хайям «Рубаи»

дитя. За год повзрослела, вытянулась. Щёки утратили детскую округлость, зато формы её обрели. Угловатая неуклюжесть сменилась вкрадчивой грацией, движения стали плавными, походка лёгкой, бесшумной, как у кошки перед прыжком. Даже улыбка сделалась другой – вдумчивой, сквозящей, и взгляд прозрачно-зелёных с янтарным отблеском глаз из-под пушистых ресниц – затаённый, с секретинкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.